

Гуань Суй медленно вернула себе спокойствие и приказала продавцу прислать две очень плоские и тонкие бамбуковые полосы и парчовую шкатулку, отложив их для дальнейшего использования. После того, как жар рассеялся, она сказала: "Вынимайте камни".

Как раз когда охранник собирался протянуть руку, он увидел, что Ее Величество уже встала, и вежливо сказал: "Я здесь, госпожа, пожалуйста, отойдите подальше, на случай, если пепел снова разгорится и поранит вас". Каменная плита была еще обжигающе горячей, но он легко вынул ее, как будто ничего не почувствовал. После этого он протянул ладонь, чтобы посмотреть, и его кожа ничуть не покраснела, что свидетельствовало о глубокой внутренней силе и сильном боевом искусстве.

Гуань Суй тихо поблагодарила его, а затем с помощью двух бамбуковых полосок вырезала обгоревшие и неполные листы бумаги и аккуратно положила их в парчовую шкатулку. Хотя Ли Ши обладала смелым характером, ее ручной труд был очень тщательным, поэтому она тоже помогала собирать листы бумаги.

Цинь Линъюнь знал, что госпожа маркиза Чжэньбэй с детства изучала историю вслед за бабушкой по материнской линии, а историки хорошо разбирались в ремонте книг. Если люди, которые не знают, как это делается, вмешаются по своему желанию, они могут даже не спасти эти клочки бумаги, поэтому им оставалось только ждать и смотреть. Но в конце концов он не выдержал гнева и торжественно сказал: "Конфуцианство пропагандирует доброжелательность и добродетель, но Сюй Гуанчжи сжигает книги и отменяет легализм, средства были слишком жестокими". После десяти дней словесной битвы он стал знаменитым на Центральной равнине, а затем хочет занять место императорского учителя, достоин ли он этого?"

Легалисты умели пользоваться ситуацией и использовали любые методы для получения власти, поэтому Цинь Линъюнь с первого взгляда смог разглядеть амбиции Сюй Гуанчжи, скрытые его глубокими знаниями. Старый господин Гуань выступал за праведность и мир, и он предпочитал продвигаться по обоим путям; Его Величество выступал за продвижение конфуцианской семьи и подавление Сотни школ мысли. Но он настаивал на упразднении Сотни школ мысли и уважал только конфуцианство, с самого начала всеми словами и делами показывая свое намерение стать чиновником и подняться выше.

Как могла Гуань Суй не знать, каким человеком был Сюй Гуанчжи? Если бы она сама не нарушила ситуацию, он бы уже стал очень высокопоставленным чиновником, и нынешняя должность ее отца должна была достаться ему, а затем он выдвинул идею "отменить Сто школ мысли и уважать только конфуцианство", и установил нерушимый статус конфуцианства в царстве Вэй с максимальной скоростью.

С другой стороны, дед и отец, их средства продвижения конфуцианства были действительно слишком мягкими по сравнению с ним. Если они не оправдают ожиданий Его Величества, возможно, что Сюй Гуанчжи все же сможет подняться до высокого положения, то сколько книг пострадает от этого пожара и превратится в пепел? Сколько гуманистических идей было бы полностью уничтожено и стерто с лица земли? Грехи в руках Сюй Гуанчжи были сравнимы с предыдущим императором, который сжигал конфуцианские книги и заживо хоронил конфуцианских ученых.

Чем больше она думала об этом, тем больше тревожилась, она холодно сказала: "Поскольку Его Величество издал четкий указ и хочет поддерживать конфуцианство как национальное учение, он должен очень нуждаться в таких талантах. Хотя Сюй Гуанчжи безжалостен и узок, он уже сделал себе имя, боюсь, скоро он взлетит до небес. С ним во главе, и с горячими конфуцианскими учеными, перекликающимися друг с другом, конфуцианство, несомненно, быстро поднимется. Хаос в литературном мире начался с него, и упразднение ста школ мысли началось с него, но по сравнению со стабильностью общества и приручением народа это не стоит упоминания. В конце концов, я - будучая женщина, а то, что думают ничтожные люди, мало что значит. Что толку беспокоиться об этом, лучше сохранить еще несколько книг". Ее нахмуренные брови были окрашены оттенком грусти.

Император Шэн Юань бросил на нее взгляд, его тон был необычайно мягким: "Госпожа слишком беспокоится. Его Величеству уже помогают императорский учитель и министр церемоний. Через три года будет установлен императорский экзамен, главным предметом которого будет конфуцианство. Тогда без всякой внешней силы он быстро станет национальным исследованием, что толку в еще одном популяризаторе? А Сюй Гуанчжи очень враждебен, радикален и амбициозен. Его можно использовать на время, но не на всю жизнь. Его Величество мудр, его уши и глаза хорошо осведомлены, и он не будет обманут".

Услышав это, Гуань Суй действительно почувствовала себя намного спокойнее, улыбнулась и вздохнула: "Хуннар выглядит грубым внешне, но у него умный язык, он может легко сказать несколько мягких слов, чтобы утешить людей. Неважно, что думает Его Величество, это не то, что могут предположить такие маленькие люди, как мы. Сегодня есть вино, сегодня его пьют, завтра будут беспокоиться о завтрашнем дне".

Кончики ушей Цзюли покраснели, и он сказал: "Госпожа имеет титул первого ранга, присвоенный самим Его Величеством, ваш статус благороден. Как вы можете сравнивать себя с маленьким народом? Будьте уверены, госпожа, ваше благословение глубоко, счастливая звезда высоко и сияет. Вы будете пить это вино каждый день, и завтрашние заботы не причинят вам вреда. Вы будете спокойны и беззаботны всю свою жизнь".

Гуань Суй улыбнулась еще веселее, кончиками розовых пальцев указала на здоровяка Цзюли и вздохнула: "У этого дерзкого человека очень милый умный язык. Что ж, тогда я приму удачные слова Хуннара".

У Цзюли, которого называли "милым", покраснели уши, и он не знал, как реагировать, только почесал голову и глупо рассмеялся. Гуань Суй быстро успокоилась и пошла собирать объедки, поэтому она не заметила его переполнявших ее чувств. Но Цинь Линъюнь и Ли Ши были в ужасе.

Возможно, на слух Гуань Суй эти слова были просто благословением доброго сердца этого человека, но когда они прозвучали в ушах этих двух людей, слова этого нефрита из золотого рта были очень тяжелыми. Он был верховным правителем царства Вэй, несравненным героем, господствующим на Центральной равнине, и если он хотел, чтобы кто-то жил спокойно и без забот, ему достаточно было открыть рот. Так называемые благословение и счастливая звезда, вероятно, относятся к нему самому, верно?

Подумав об этом, Цинь Линъюнь не смог удержаться от счастливой улыбки. Другие не знали, что происходит внутри, но он был достойным и почтительным маркизом Чжэньси и близким другом Его Величества, как он мог не услышать хоть немного ветра? Е Цзеюй по имени Е Чжэнь во дворце на самом деле была "покойной женой" Чжао Лули Е Чжэнь, которую отправили к Его Величеству из-за различных недоразумений. С тех пор Чжао Лули ненавидел Его Величество и держался подальше от двора, но он не ожидал, что вторая жена, на которой он женился через много лет, снова будет благосклонна к Его Величеству. На этот раз это не было фальшью, скорее серьезным интересом, но Его Величество никогда не был особо озабочен чувствами и любовью, боясь, что он все еще находится в неведении.

Вспоминая то время, когда Е Чжэнь уехала, Чжао Лули был настолько опустошен, что за ночь у него случилось похмелье, из-за чего он просрочил военную ситуацию, и два города были потеряны, в результате чего не только погибло много его товарищей, но и бесчисленное количество мирных жителей. Из-за этого Его Величество полностью разочаровался в нем, а два зачатых брата Цинь Линъюня также погибли в той жестокой битве. Как он мог не ненавидеть Чжао Лули? Если бы это был другой человек, он бы все равно отговаривал Его Величество, но Чжао Лули и Е Чжэнь не повезло, и он уже считался благожелательным и праведным, если не подливал масла в огонь.

Зацепиться, просто зацепиться, и пусть Чжао Лули наденет еще одну зеленую шляпу! В душе он был чрезвычайно счастлив, и гнев от горящей книги был смыт.

Император Шэн Юань не мог спокойно смотреть на своего странного подчиненного, его слегка бледно-голубые глаза пристально следили за каждым движением госпожи маркизы Чжэньбэй. Ее метод ремонта книг был действительно превосходным. Она отклеивала обугленную черную бумагу, которая была склеена, аккуратно обращаясь с ней, а затем вкладывала их один за другим в тяжелую книгу, чтобы ее можно было снова собрать. Неустанно вырезая в течение получаса, только после того, как все фрагменты были аккуратно уложены, ее положили в парчовую шкатулку.

Ее серьезный настрой, серьезное выражение лица и даже глаза с нотками гнева делали ее еще более привлекательной. Император Шэн Юань смотрел на нее снова и снова, и почему-то вспомнил отрывок из "Книги песен", и его сердце, которое все еще колыхалось от сладости, вдруг стало кислым и горьким. Когда он изо всех сил старался подавить свое волнение, Гуань Суй уже привела себя в порядок и попрощалась с ним.

"Госпожа уже уходит?" Он хотел что-то сказать, чтобы удержать ее, но не было никаких оснований, поэтому здоровяк Цзюли смог только сухо спросить.

"Еще не поздно, мы встретимся в другой день". Гуань Суй вышла из-за стола, держа в руках парчовую шкатулку, как будто о чем-то задумавшись, она прошептала на ухо маркизу Чжэньси, а в конце улыбнулась Ли Ши и грациозно ушла.

Император Шэн Юань, до которого не дошли ее личные слова, встревожился еще больше. Когда она скрылась из виду, его простое и честное отношение сменилось властным. Он приказал глубоким голосом: "Что она только что сказала, доложите об этом и сообщите

Чжэню".

Ли Ши тоже смотрела на своего зятя подозрительными глазами.

На лбу Цинь Линъюня выступили капельки холодного пота, и, подумав немного, он сказал: "Госпожа сказала: все, что было сказано в здании Вэнькуй, не должно быть услышано посторонними, иначе я не получу желаемого и навсегда потеряю любовь". Эта угроза была слишком ядовитой, он точно не посмеет ее нарушить.

Щеки Ли Ши покраснели, а затем она сухо рассмеялась. Император Шэн Юань кивнул в знак согласия: "Она же внучка Гуань Цигуана, как она может критиковать конфуцианство? Тебе лучше забыть все эти слова". Что касается охранников и мертвых солдат, прячущихся в темноте, ему не нужно было отдавать слишком много приказов.

Цинь Линъюнь и Ли Ши кивнули в знак согласия и, наконец, увидели, как императорская карета возвращается во дворец, и только тогда у них хватило духу поиграть на улице, но Гуань Суй, которая должна была вернуться в семью Чжао, постучала в дверь особняка императорского учителя.

"Я знала, что ты придешь. Ты, должно быть, получила известие о том, что Е Цзеюй сделала лицо для Е Фана, верно? Всего лишь наложница, а уже такое роскошное приданое. Один только красный коралл высотой в восемь футов достоин приданого принцессы. Семья Е - это действительно купеческая семья, они ведут себя дико и не придерживаются никаких правил". Чжун Ши повела дочь в дом, выплевывая слова на ходу, очень злая.

Лицо Гуань Суй было словно погружено в воду, но она не думала об этом. Увидев спешно приближающихся деда и отца, она тут же спросила: "Сюй Гуанчжи сегодня подходил к двери?".

"Почему ты об этом спрашиваешь?" Отец Гуань был ошеломлен на мгновение, а затем утешил: "Я уже знаю о вмешательстве Е Цзеюя в задний дом особняка Маркиза, через несколько дней я позволю семье Е влипнуть в неприятности. Ты можешь не беспокоиться об этом и спокойно возвращаться и действовать в соответствии со своим титулом первого ранга".

"Отец и дед решают дела семьи Е. Я не буду беспокоиться об этом. Позвольте мне только спросить, Сюй Гуанчжи хочет, чтобы вы помогли написать несколько рекомендательных писем?"

"Именно так". Старый мастер Гуань кивнул и сказал: "Он очень знающий, у него золотой язык и деревянный слух, а также редкий талант. Мы с твоим отцом уже согласились рекомендовать его на официальную должность".

"Нет." Гуань Суй достала парчовую шкатулку и медленно сказала: "Я слышала, что Е Цзеюй сделал лицо для Е Фан, поэтому я пошла искать деда и отца, чтобы обсудить это, но не ожидала встретить его в здании Вэнькуй. После великой победы он фактически сжег книги Легалистов, пытаясь довести всех ученых и сотни школ до отчаянного положения. Конфуцианство было известно своей доброжелательностью. Конфуций и Менций, эти два мудреца, культивировали нравственность всю свою жизнь, Цзэнцзы же дрожал от страха, чтобы сохранить благожелательность, словно перед пропастью, словно шел по тонкому льду, и только отдохнув, ушел из жизни. А Сюй Гуанчжи сжигал книги и расточал статьи, его методы предвзяты, узколобы, он давно нарушил основы конфуцианства, как он может служить чиновником? Я прошу деда и отца отказаться".

Уже согласившись на это дело, Сюй Гуанчжи определенно обиделся бы, если бы они отказались. Если то, что сказала его дочь, было правдой, то Сюй Гуанчжи был не джентльменом, а злодеем. Как говорится, лучше обидеть джентльмена, чем злодея. Рекомендацию нельзя было выполнять, но нужен был и какой-то обходной путь. Отец Гуань некоторое время размышлял над этим, но услышал, как его отец гневно выругался: "Сжигая книги и отменяя легализм, создавая хаос в моем литературном мире и делая все наоборот, Сюй Гуанчжи такой некомпетентный, мы не должны с ним связываться! Вопрос о рекомендации отпадает".

Отец Гуань и Гуань Суй посмотрели друг на друга и горько улыбнулись: Когда же изменится старая проблема моего отца (деда), который не терпит песка в глазах? Если однажды он обидит Его Величество, у них будут большие неприятности.

<http://tl.rulate.ru/book/67090/2412977>